

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Призраки в свете фар.	5
Часть вторая. Парящий мир.	111
Часть третья. Другая ты.	267
Часть четвертая. Недостающий круг.	363
От автора.	507

*Посвящается Венди Винтерс
(25.05.1953 — 28.06.2018)*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИЗРАКИ
В СВЕТЕ ФАР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В каждом браке есть секреты, я понимаю это, Эллисон. Правда. Именно секреты дают нам возможность держаться за свою индивидуальность и одновременно быть половиной матримониального целого. Они необходимы нам, как воздух. Мимолетные желания, рассеянные грезы, заведшие не туда — что-то личное, предназначенное только для одного человека, хранителя этих секретов, дежурного у дверей хранилища. Небольшие секреты легко скрывать — легче, чем, предположим, секреты большие, чудовищные поступки, измены, постыдные пристрастия, которые, подобно подводному чудищу, рано или поздно всплывут на поверхность, чтобы плотнуть воздуха. Они не могут быть скрыты вечно.

Эллисон, я начал узнавать твои секреты где-то через три месяца после твоей смерти. Я говорю «начал узнавать», потому что, как в историях про призраков, твои тайны открылись мне не сразу,

РОНАЛЬД МАЛФИ. ПОЙДЕМ СО МНОЙ

а постепенно, обрастая все новыми подробностями. Это так на тебя похоже, Эллисон, — слои глубины накладываются друг на друга, и для того, чтобы собрать их воедино, требуются усилия, требуется серьезная работа. В тебе никогда не было ничего поверхностного, и тайна, которую после твоей смерти мне пришлось разворачивать, как своего рода оригами наоборот, только подтверждала это. Вероятно, если бы я был в лучшей форме, я бы быстрее собрал картину воедино. Не суди меня строго, ладно? Но вышло так, что я провел первые несколько месяцев после твоей смерти в каком-то гипнагогическом трансе. Видишь ли, часть меня ушла в небытие вместе с тобой — еще одно последствие брачного союза, — а то, что осталось, едва сохранило человеческий облик.

Картонная коробка, обмотанная упаковочной лентой, на нашем крыльце. Такой банальный способ узнать частичку тайной жизни покойной жены. И я признаю это с самого начала, просто чтобы потом не возникало путаницы: я не горжусь тем, что сперва пришло мне в голову. Сторонний наблюдатель этого, возможно, не заметил бы... Но я был твоим мужем, а не любопытным незнакомцем, украдкой наблюдавшим за твоей жизнью через окно. И вот так завеса тайны приоткрылась. А потом проем стал шире. И еще шире.

Я придерживаюсь мнения, что, когда дело доходит до секретов, нет предела тому, чего мы не знаем о человеке. Даже о человеке, который спит рядом с нами и разделяет нашу жизнь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИЗРАКИ В СВЕТЕ ФАР

Я влюбился в тебя именно из-за твоей тьмы, Эллисон. Я имею в виду, из-за тьмы твоей глубины. Словно я заглянул в узкое отверстие и гипнотическая бесконечность заворожила меня. Да, ты была красивой, но именно необычная хищная аура, окружавшая тебя, — эти яркие вспышки, похожие на языки пламени в ночи, которые я иногда замечал в твоих глазах, — постепенно завлекла меня. Мрачная, язвительная улыбка, которая намекала на какое-то тайное знание. То, как ты яростно грызла ногти и на наших первых свиданиях у тебя на нижней губе всегда блестели пятнышки светло-зеленого лака для ногтей. Какая-то великая тайна, принявшая облик человека.

Впервые я увидел тебя в одиночестве на небольшой рыбацкой лодке в устье Дип-Крик, там, где речушка впадает в залив. Ты сидела в лодке, опустив голову, отчаянно промокающая под внезапным весенним ливнем. Было видно только темный силуэт. Я наблюдал за тобой из-под навеса закусочной на пристани для яхт. Одинокая фигура, покачивающаяся на беспорядочных штормовых волнах, вызвала у меня любопытство. Признаться, сначала я даже не понял, что ты женщина — неловко говорить, но из-за расстояния между нами и дождя ты казалась неразличимой, неподвижной глыбой. Я начал сочинять историю о тебе и о том, как ты оказалась там, на лодке, под дождем, — быть может, ты раз-

РОНАЛЬД МАЛФИ. ПОЙДЕМ СО МНОЙ

мышляла о самоубийстве из-за разбитого сердца... или, может быть, ты уже была мертва, став жертвой ревнивого любовника, который усадил твое тело в лодку и оттолкнул ее от берега в сторону залива.

Ситуация стала еще более странной, когда вокруг тебя вынырнули из воды три фигуры, скользкие, как тюлени, в своих черных гидрокостюмах, и залезли в лодку. Только тогда ты пошевелилась — слегка наклонила голову, возможно, чтобы задать вопрос или отдать приказ. Один из парней в гидрокостюме завел подвесной мотор, и лодка описала широкую дугу по руслу реки. Когда она снова остановилась, уже дальше от меня, я увидел, как гидрокостюмы вывалились за борт лодки и снова исчезли под бурлящей, взбаламученной штормом поверхностью воды. Ты осталась в лодке, сторбившись под дождем, словно темная точка с запятой, покачивающаяся на волнах, опустив голову, как будто рассматривала нечто жизненно важное, что лежало у тебя на коленях.

В конце концов лодка высадила тебя на пристани, прежде чем исчезнуть в дождливом тумане. На тебе был дождевик армейского зеленого цвета, мокрые темные волосы были собраны в конский хвост. Твое лицо было бледным, чистым, почти мальчишеским. В руках ты держала блокнот и фотоаппарат в прозрачном водонепроницаемом футляре.

Я наблюдал за тобой, когда ты села за столик на немногочленной террасе закусочной на при-

стани, заказала кофе (черный, без сахара) и начала что-то яростно записывать в своем блокноте. Следующие двадцать минут я то читал роман Харуки Мураками на японском, то наблюдал за тобой. Наконец, когда я набрался смелости подойти, ты, даже не взглянув на меня, сказала: «Мы искали труп».

Позже ты признаешься, что соврала. На самом деле, ты была там с ныряльщиками из Военно-морской академии и исследовала популяцию устриц для статьи, которую писала для местной газеты. Но тогда твое заявление лишило меня дара речи. И когда ты подняла на меня глаза, я понял, что ты специально так ответила. Чтобы лишить меня дара речи, выбить из колеи. И тогда у меня впервые пронеслась мысль: *кто эта девушка?*

Так что в этом отношении я не могу винить тебя за твою тьму. И едва ли могу утверждать, что недавнее развитие событий застало меня врасплох. Не совсем. Я был предупрежден первыми же словами, которые ты мне сказала, первыми словами, которые ты произнесла, обращаясь к высококому, долговязому незнакомцу в очках и с толстой, потрепанной японской книжкой в руках. Ложь, задуманная как шутка, граничащая с тьмой.

Кто эта девушка?

После твоей смерти, после пяти лет нашего чертовски, я считаю, счастливого брака, я задавался этим вопросом снова и снова.

РОНАЛЬД МАЛФИ. ПОЙДЕМ СО МНОЙ

Когда впервые встречаешь человека, никогда не думаешь, что существуют какие-то космические часы, отсчитывающие годы, месяцы, недели, дни, часы, минуты, секунды до тех пор, пока вы не перестанете быть знакомы. Большинству людей, когда они встречают человека, с которым хотят провести остаток жизни, не приходит в голову, что в какой-то момент один из них уйдет. Конечно, каждый знает это на подсознательном уровне — все умирают, никто не живет вечно, — но никто не слышит тиканья этих часов, смотря в глаза своему супругу или супруге в первую брачную ночь. Этот звук заглушают блеск и очарование того, что, как мы думаем, готовит нам будущее. Но не дайте себя одурачить, эти часы тикают. Они отсчитывают время каждого из нас.

Ты, Эллисон, моя жена, умерла не по сезону теплым и довольно мирным, учитывая все обстоятельства, декабрьским утром. В момент твоей смерти я, скорее всего, заворачивал твой рождественский подарок, не подозревая, что ты истекаешь кровью на потертом линолеуме. Я все еще лежал в постели, когда ты ушла из дома тем утром, уже проснувшись, но закрыв глаза от яркого дневного света, льющегося в окна спальни. Я пошевелился, проведя рукой по твоей стороне кровати. Простыни были холодными.

— Привет, — сказала ты, врываясь в спальню. — Я тебя разбудила?

— Нет, мне пора вставать. А ты куда?

На тебе был алый берет, из-под которого выбивались угольно-черные завитки волос, обрамляя твое лицо, и пальто в клеточку, которое выглядело слишком теплым для такого приятного и мягкого декабрьского утра.

— В «Харбор Плаза», — ответила ты, роясь в вещах на комодe. — Мне нужно кое-что забрать. Мы сегодня вечером идем к Маршаллам на вечеринку с печеньками.

— А, точно.

Но к Маршаллам тем вечером мы так и не пошли.

— Если я, конечно, найду проклятые ключи...

— Посмотри на пьедестале, — предположил я.

Ты заправила прядь волос за ухо, пересекла спальню и скрылась в нашей гардеробной. Несколько лет назад, повинувшись внезапному порыву, ты вернулась домой с гаражной распродажи с мраморным пьедесталом высотой в два фута. Я помог тебе вытащить его из машины и поднять на три лестничных пролета — одному богу известно, как тебе удалось втащить его в машину самостоятельно, — и через некоторое время он каким-то образом поселился в гардеробной. Его основной функцией стало необъяснимым образом притягивать случайные предметы, которые казались нам утерянными, словно он был не куском мрамора, а сильной и таинственной черной дырой.

Ты вернулась из гардеробной, сжимая ключи в руке.

РОНАЛЬД МАЛФИ. ПОЙДЕМ СО МНОЙ

— Ты их туда положил?

Я покачал головой.

— Что ж, — сказала ты. — У меня от всего этого мурашки. Я никак не могла оставить их на этой штуковине.

— Да здравствует мраморный пьедестал.

Ты улыбнулась мне, стоя в изножье кровати в своем алом берете и пальто. Я чувствовал, что тебя что-то беспокоит, и это что-то стремилось вырваться на свет божий. В последнее время тебя тревожила какая-то мысль. Она выросла между нами, как невидимый столб. В последний месяц или около того ты отдалилась от меня, начала замыкаться в себе. Мои попытки выяснить, что происходит, наталкивались на отрицание с твоей стороны — все в порядке, просто у тебя сильный стресс на работе, это тоже пройдет. Но я знал, что это не так. Я знал *тебя*.

— Пойдем со мной, — сказала ты.

Я повернулся на бок и посмотрел на часы на твоём прикроватном столике. Четверть девятого.

— Слишком рано для меня, — признался я и откинулся на гору подушек. За окном птица, похожая на ястреба, кружила на фоне неба цвета обглоданной кости. — Кроме того, мне нужно немало поработать.

— Уверен? Мы могли бы вместе позавтракать в «Петухе».

Обычно я бы убил за тарелку французских tostov из кафе «Жирный петух» — два ломтика хле-

